

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТАФОРЫ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются пространственные метафоры бурятского языка как средство репрезентации фрагментов языковой картины мира бурят и выявляются семантические модели образования таких метафор.

Ключевые слова: бурятский язык, языковая картина мира, концептуализация пространства, пространственные метафоры.

Пространственные номинации являются универсальным средством выражения понятий, относящихся к непространственным сферам, и специфики концептуализации пространства. Вторичные непространственные значения таких номинаций образуются вследствие перехода пространственных понятий в сферу иных семантических полей в русском языке [Гак, 2000]. Вследствие переосмысления слов с пространственной семантикой «внутренний мир человека параметризуется, а параметры внешнего мира психологизируются <...> и получают количественную интерпретацию, имеющую аксиологический смысл» [Рябцева, 2000].

В статье рассматриваются метафоры бурятского языка с первичной пространственной семантикой (в свободных сочетаниях и в составе фразем) как средства отражения в языке пространственного кода категоризации мира, выявляются основные модели и роль в формировании представлений о таких непространственных сферах внеязыковой действительности, как время, деятельность человека, его личностные качества, положение в обществе и др. Актуальность осуществленного исследования определяется тем, что пространственные номинации бурятского языка до сих пор не рассматривались в этом аспекте.

Внешний мир чаще всего описывается серией пространственных противопоставлений: «внешний – внутренний», «далекий –

близкий», «высокий – низкий», «длинный – короткий», «широкий – узкий», «правый – левый» и др., т. е. к семантическому полю пространства относятся такие характеристики объектов, как мера длины, расстояния, объема и др. [Гак, 2000. С. 127]. Значимыми и продуктивными с этой точки зрения являются вертикальные и горизонтальные характеристики пространства, дистанция по отношению к говорящему, передняя сторона или задняя сторона объекта, его месторасположение (центральное или периферийное), размер, наполненность или пустота, соотносимость с частями тела человека и т. п. [Топоров, 1973].

При помощи пространственных метафор могут быть выражены физические, эмоциональные, социальные состояния человека, при этом пространственная характеристика понятий и явлений может сочетаться с оценочной характеристикой [Лакофф, Джонсон, 1990].

Метафорическая лексика бурятского языка с исходным пространственным значением образуется по следующим семантическим моделям.

Модель «пространство → время». Пространственные слова употребляются для обозначения различных временных смыслов:

- временной ориентир: *мунөө хурэтэр 'до сего времени'* (букв.: *сейчас доходя*) [Черемисов, 1973. С. 629]¹, *хая нааша 'в бли-*

¹ Здесь и далее толкование слов бурятского языка приводится нами по «Бурятско-русскому словарю» [Черемисов, 1973] и «Бурятско-русскому фразеологическому словарю» [Цыденжапов, 1992]. В ряде примеров предлагается толкование, сформулированное автором статьи (в таких случаях после слова не дается ссылка на источник).

жайшее время' (букв.: недавно сюда) [Там же. С. 316];

- временная последовательность: *уни холын* 'стародавний' (букв.: давно, далекий) [Там же. С. 582], *эртэ урда* 'в древности' (букв.: рано впереди) [Там же. С. 474], *даба-ан дээрэ* 'только что' (букв.: на перевале) [Там же. С. 219], *халуу мурөөрнь* 'тотчас' (букв.: по горячим следам) [Там же. С. 308]; *данай хойто* 'после войны' (букв.: войны позади) [Там же. С. 578], *удэр эдэгэнэй урдуур* 'перед обедом' (букв.: обеда впереди) [Там же. С. 475];

- временные интервалы определенной и неопределенной длительности: *саг зуура* 'временно, на неопределенное время' (букв.: время, промежуток) [Там же. С. 264], *нэгэ забһар* олохо 'улучить момент' (букв.: один промежуток найти) [Там же. С. 243].

Модель «путь как часть пространства и символ передвижения в пространстве → жизнь, судьба человека и его поведение»:

- Жизнь, судьба человека. Модель «путь → жизнь, судьба» реализуют метафоры, отражающие сложные философские понятия жизненного пути, его предназначения: *бурханай зарлиг харгы* 'богом указанный путь' (букв.: по велению бога дорога) [Цыденжапов, 1992. С. 26], *арга зам* 'пути решения проблем, возможность' (букв.: способ, средство; путь) [Черемисов, 1973. С. 248], *оршиолонто наһан* 'бренная жизнь' (букв.: пребывающий в возрасте) [Там же. С. 364], *харгылуулха* 'наставлять на истинный путь, побуждать изменить поведение в хорошую сторону' (букв.: заставлять идти по дороге) [Там же. С. 554] и др. Пространство дороги и движение по ней ассоциируются с судьбой человека, переосмысливаются как поиск счастья, стабильности и средство их достижения: *нэрэ-дэ хурэхэ* 'осуществить свое предназначение' (букв.: достичь имени) [Там же. С. 629], *тушаалда ябаха* 'занимать какой-либо пост' (букв. в выборах идти) [Там же. С. 793]. Благими делами, соблюдая каноны праведной жизни, путем обретения благословения бурханов и предков человек может обрести удачу в жизни – *зам нээхэ* (букв.: открывать дорогу) [Там же. С. 342]; открыть дорогу, т. е. получить возможность успешной реализации задуманного, устраняя препятствия – *харгы гаргаха* (букв. выводить дорогу) [Там же. С. 554]; выйти на

свою дорогу, т. е. избрать жизненный путь или направление жизненного пути – *харгы-да орохо* (букв. войти в дорогу) [Там же].

- Поведение, образ жизни человека: *зуггуй* 'беспутный' (букв.: без направления) [Там же. С. 267], *замаа табиха* 'проказничать' (букв.: дорогу отпустить) [Там же. С. 248] и др.

Модель «пространственный параметр → социальная характеристика»:

- Политические отношения: *баруунай хэлбэрл* 'правый уклон' (букв. правый уклон) [Там же. С. 90], *гадаадын дайсан* 'внешний враг' (букв. внешний враг) [Там же. С. 138];

- Родственные связи, дружеские или враждебные отношения: *ойрхон* хун 'близкий родственник' (букв.: находящийся рядом человек) [Там же. С. 352], *намда холо бэишэ* 'он мне не посторонний' (букв.: от меня недалеко) [Там же. С. 580], *дүтэ турэл* 'близкий родственник' [Там же. С. 210], *нэгэ уг замтай* 'с одной родословной' (букв.: с одним, происхождением, путем) [Там же. С. 248] и др. С понятием *близкий* связаны не только представления о кровном родстве, но и о дружбе, духовной близости между людьми: *ганзага ниилуулхэ* 'дружить' (букв.: торока соединить) [Там же. С. 327], *дотор ханаха* 'принимать за своего' (букв.: подумать, что внутренний) [Цыденжапов, 1992. С. 73]. К рассматриваемым сочетаниям примыкает и выражение, имеющее противоположный смысл *дүтэ узэхэгуи* 'относиться неприязненно' (букв.: вблизи не видеть) [Черемисов, 1973. С. 42], аналогичное русскому просторечному выражению с подобным значением: *в упор не видеть*.

Модель «пространственный параметр → личностная характеристика»:

- **Оппозиция 'далеко' – 'близко'**. Для характеристики интеллектуальной сферы человека бурятский язык использует противопоставление *холо* 'далеко' – *наана* 'близко'. Лексемы данной оппозиции выступают классификаторами выделенности / ординарности личности, формируют социальные идеи: *холо бодолтой* 'дальновидный' (букв.: с далекой мыслью) [Там же. С. 580], но *наана* хун 'недалекий человек' (букв.: близко, человек) [Там же. С. 316]. Концептуальная метафора, лежащая в основе этих выражений, отражает представление о том, что личность, способная выйти за пределы «своего» пространства (физического и ин-

теллектуального), обжитого и знакомого, понимается как неординарная, выделяющаяся среди других силой своего характера, адаптивностью к новым условиям, способностью к преодолению негативных жизненных обстоятельств. И напротив, личность, ограниченная пределами этого пространства, не отличается развитым интеллектом.

В рамках данной модели также развиваются переносные значения дейктические слова *наагуур* 'близко' – *саагуур* 'далеко', *нааша* 'сюда, в эту сторону' – *сааша* 'дальше, в ту сторону', выступающие классификаторами оценки внутреннего мира человека.

В языковой картине мира бурят пространственный параметр *наагуур* 'близко' ассоциируется с неискренностью, лицемерием, характеризующими человека, чьи слова и поступки не соответствуют истинным намерениям: *наагуур гайхасагаалга* 'ложная (или показная) скромность' [Там же. С. 315], *наагуур хэлэхэ* 'говорить, скрывая подлинные мысли' (букв.: близко говорить) [Там же], *наагуураа* 'показной, рассчитанный на внешний эффект' [Там же]. В языковом сознании бурят это свойство личности соотносится с равнодушным, «поверхностным» отношением к окружающим людям, отсутствием желания глубоко проникнуться чужими печальями и радостями – отсюда и развитие переноса пространственного значения в область личностных характеристик.

Саагуур 'далеко', напротив, эксплицирует положительную оценку свойств человека – глубины мысли, обоснованности, продуманности действий, дальновидности: *саагуур бодохо* 'глубоко осмыслить' (букв.: далеко подумать) [Там же. С. 377], *саагуур бодолтой* 'продуманный' (букв.: с далекими мыслями) [Там же], *саагуур удхатай* 'глубокомысленный' (букв.: с далеким смыслом) [Там же], *саагуур хэлэхэ* 'говорить обоснованно' (букв.: далеко говорить) [Там же].

• **Оппозиция 'сюда' – 'туда'**. Наречия бурятского языка *нааша* 'сюда, в эту сторону' – *сааша* 'дальше, в ту сторону' реализуют древнейшее представление о семантизированном «своём» и «чужом» пространстве. Все, что находится в личном, «своём» пространстве говорящего или направлено к нему, закреплено в языке как положительное, например: *наашань хараха* 'быть удаче' (букв.: сюда смотреть) [Там же. С. 316]. То, что связано с *сааша* 'дальше,

в ту сторону', относится к сфере «чужого», враждебного, и потому отрицательно оцениваемого: *сааша ханаатай* 'вероломный' (букв.: в другую сторону с мыслями) [Там же. С. 379].

• **Оппозиция 'верх' – 'низ'**. В бурятском языке модели «пространственный параметр → социальная характеристика» и «пространственный параметр → личностная характеристика» представлены также оппозицией *өөдэ, дээдэ* 'верх' – *доодо, доро, уруугаа* 'низ'. Координата *верх* традиционно используется для положительной оценки разного рода явлений и объектов [Лакофф, Джонсон, 1990]. В бурятском языке она используется при социальной и личностной характеристиках для обозначения благополучия, достатка, успеха, власти, хорошего здоровья: *өөдэ нара хараха* 'удача улыбнулась' (букв.: наверху увидеть солнце) [Черемисов, 1973. С. 367], *өөдөө болохо* 'встать на ноги' (букв.: вверх встать) [Там же], *өөдэлхэ тэнхэхэ* 'набираться сил, здоровья' (букв.: вверх подниматься) [Там же], *дээдэ гарай хун* 'человек высокой квалификации' (букв.: верхней руки человек) [Там же. С. 219], *дээдэ турэлтэн* 'знатный человек' (букв.: высокой родословной) [Там же]. Для болезни, грусти, неудачи, бедности, унижения и т. п. язык выбирает ориентир *низ*: *доодо шадалтай* 'бедняк' (букв.: с низкой силой) [Там же. С. 195], *доройтохо* 'здоровью ухудшиться' (букв.: становится вниз); *доро унаха* 'унижаться' (букв.: упасть вниз) [Там же. С. 196], *доодо турэлтэй* 'чернь' (букв.: с низкой родословной) [Там же. С. 195], *уруугаа орохо* 'прийти в упадок' (букв.: вниз, входит) [Там же. С. 477] и др.

В бурятском языке представление о пространственном положении *внизу* соотносится с чем-либо скрытым, совершаемым укрываемой, например: *доогуур* хэлэхэ 'говорить по секрету' (букв.: говорить внизу) [Там же. С. 195], *доогуур хурагшалха* 'расспрашивать исподтишка' (букв.: понизу осведомляться), *доогуур худалдаха* 'торговать из-под полы' (букв.: понизу торговать) и др.

• **Оппозиция 'передний' – 'задний'**. В «отпространственных» характеристиках социума и личности отражается четкое разделение пространства на две части в сознании носителей бурятского языка: ту, которая находится впереди человека, – *урда бэээ (тала)* 'передняя сторона' и ту, которая по-

зади него, – *ара* (*хойто*) *бэээ* (*тала*) ‘задняя сторона’. Благодаря анатомическим свойствам человек «предпочитает» ту часть физического мира, которая расположена перед ним, оценивая ее положительно [Лакофф, Джонсон, 1990. С. 396]: *урдаа* *хараха* *хун* ‘тот, кто верховодит’ (букв.: *впереди, видеть, человек*) [Цыденжапов, 1992. С. 84], *урда* *орохо* ‘*быть успешным*’ (букв.: *вперед брать*) [Черемисов, 1973. С. 474], *урид* *hanaатай* ‘*добродушный*’ (букв.: *впереди с душой*) [Там же. С. 475] и др. То, что находится сзади, за спиной человека, интерпретируется как негативное, так как для наивной картины мира характерно восприятие пространства за спиной как скрытого или недоступного: *ара* *барлаг* ‘*батрак, бедный человек*’ (букв.: *спина батрак*) [Там же. С. 54], *нюрганда* *хэлэхэ* ‘*говорить за глаза*’ (букв.: *спине говорить*) [Там же. С. 344], *арада* *дуугарха* ‘*говорить в отсутствие кого-либо*’ (букв.: *спине говорить*) и др.

За действиями, направленными назад, закреплена отрицательная семантика: *хойшоо* *гараха* ‘*стать ненужным*’ (букв.: *назад выйти*) [Там же. С. 578], *хойшоо* *татаха* ‘*препятствовать*’ (букв.: *назад тянуть*) [Там же], *юмын урда* *орохогуй* ‘*безуспешно*’ (букв.: *вперед чего-либо не зайдет*) [Цыденжапов, 1992: 140], *гэдэргээ* *дуугараха* ‘*перечить*’ (букв.: *назад говорить*) [Черемисов, 1973. С. 168] и др. Движение назад и действия, совершаемые сзади, вне поля зрения говорящего, ассоциируются в языковом сознании бурят с бездейтельностью, желанием чинить препятствия, враждебным отношением к людям: *гэдэргээ* *булялдаха* ‘*быть пассивным*’ (букв.: *назад отбирать друг у друга*) [Там же], *хойшолхо* ‘*задерживать*’ (букв.: *двигаться назад*) [Там же. С. 579], *хойноһоо* *орохо* ‘*приставать с угрозами, обвинениями*’ (букв.: *сзади заходить*) [Там же. С. 578] и др.

• **Оппозиция ‘длинный’ – ‘короткий’.** Пространственные параметры *ута* ‘длинный’ – *охор* ‘короткий’ потенциально оценочны, так как недостаточность или избыточность длины объекта являются основанием для его психологической выделенности и отрицательной оценки: *ута* *хэлтэй* ‘*болтливый*’ (букв.: *с длинным языком*), *ута* *гартай* ‘*способный украсть*’ (букв.: *с длинными руками*), *ута* *хушуутай* ‘*сплетник*’ (букв.: *с длинной мордой*) [Там же. С. 479], *гонзорхо* ‘*шляться без дела*’ (букв.: *быть вытянутым в длину*) [Там же. С. 156], *охор* *ухаан* ‘*короткий ум*’, *охор* *бодолтой* ‘не-

дальновидный’ (букв.: *с короткими мыслями*), *охор* *hanaан* ‘*несообразительный*’ (букв.: *короткие мысли*) [Там же. С. 366], *охоршолхо* ‘*унывать*’ (букв.: *укоротить*) [Там же] и др. Определение практическим сознанием объектов как длинных и коротких основывается на их сопоставлении с определенным эталоном длины, возникающим при сравнении предметов между собой по этому параметру.

Модель «качество пространства → характеристика действия»:

• **Пустота пространства.** В бурятской языковой картине мира категоризация пространства осуществляется на основе осознания его способности вмещать определенные объекты, которые и задают его пределы. Вследствие этого пространство и его части воспринимаются заполненными либо незаполненными, пустыми. Незаполненная часть окружающего мира именуется в бурятском языке *хии* ‘*пустота; воздух*’ [Там же. С. 569], *тала* ‘*степь, сторона*’ [Там же. С. 411]. Образы пустоты (воздух, степь) послужили основой развития аксиологически маркированного значения ‘*напрасно, впустую*’, ‘*ошибочно*’ в выражениях *дэмы талаар* ‘*попусту*’ (букв.: *напрасно, стороной, степью*) [Там же], *хии талада* ‘*впустую*’ (букв.: *пустота; стороной, степью*) [Там же. С. 69], *хии будаха* ‘*высказаться ошибочно*’ (букв.: *стрелять в воздух*) [Там же], *хии газар* ‘*зря*’ (букв.: *пустота, место*) [Там же] и др.

• **«Правильность» пространства.** К пространственным характеристикам объектов реальной действительности относим такое свойство этих объектов как правильность геометрической формы предмета. Идея «правильной» формы предмета в языковом сознании бурят выражается в параметрах ‘*прямой*’, ‘*ровный*’, ‘*круглый*’, идея ‘*неправильной*’ формы – в параметре ‘*неровный, угловатый, с углами*’.

С образом прямой линии, прямого пути связан метафорический смысл ясности и точности восприятия: *сэхэ* *хэлэхэ* ‘*говорить прямо*’, *сэхэ* *мэдуулхэ* ‘*решительно заявить*’ (букв.: *прямо сообщить*) [Там же. С. 405], *сэхэ* *урбалта* ‘*открытая измена*’ (букв.: *прямая измена*) [Там же] и др.

Форма круга в сознании бурят символизирует целостность и гармоничность, идеальный порядок. Круглая форма жилища степняка – *юрты, хотона* ‘*огороженных хозяйственных построек*’, пастбищ, расположенных по окружности, центром которой является жилище, круговая форма загона

для скота – *хорёо*, круговой маршрут традиционных кочевых перемещений, представление о структуре мироздания – все эти элементы физического пространства, окружающего номада, и его образа жизни выражают идею круга как символа гармонии. Основным признаком круга – равноудаленность всех точек от центра проецируется на пространство кочевника и структурирует его. Это свойство пространства кочевника эксплицируется в выражениях *тойрулан хамтаруулха* ‘спланировать’ (букв.: в круг собирать), добые *тойруулха* ‘обходить острый вопрос’ (букв.: обходить гору круглым путем) [Там же. С. 425], *тухэрэ-элжэ духаряалха* ‘пускать чару вкруговую’ [Там же. С. 450] (данное действие имеет сакральный характер и символизирует дружественное отношение, уважение исполнителей этого обряда друг к другу). Представление о физическом здоровье также связано с образом круга: *монсогор улаахан* ‘кровь с молоком (о человеке)’ (букв.: круглый, красный) [Там же. С. 299].

В языковой картине мира бурят целостности и гармоничности круга противопоставлен угол. Слова, обозначающие пространственные объекты с выдающимися частями – углами, в результате семантической трансформации эксплицируют отрицательную оценку: *шонтогонохо* ‘вмешиваться не в свое дело’ (букв.: выдаваться углом) [Там же. С. 729] и др.

Таким образом, средством репрезентации представлений о пространственной организации языковой картины мира бурят, как и других этносов, являются метафоры с исходным пространственным значением и выражения, в состав которых эти метафоры входят. Метафорическая трансформация значения пространственных номинаций позволяет передать идею времени, общественных отношений, социально и личностно охарактеризовать человека. Модели метафоризации в бурятском языке не являются специфическими, они отражают универ-

сальные языковые процессы в семантике таких единиц. По нашим материалам, наиболее продуктивна модель метафоризации, результатом которой является переосмысление пространственных параметров, входящих в оппозиции ‘верх’ – ‘низ’, ‘близко’ – ‘далеко’, ‘впереди’ – ‘сзади’. Специфика отражения пространства в бурятском языке проявляется в своеобразии осмысления качественных признаков пространства ‘заполненность / незаполненность локуса’ (степь как образ пустоты), ‘правильность / неправильность формы пространственных объектов’ (круг как образ мироздания кочевника, способ структурирования пространства и символ гармонии, угол как нарушение «правильной» формы).

Список литературы

Гак В. Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка: языки пространств: Сб. ст. / Под ред. Н. Д. Арутюновой, И. Б. Левонтиной. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 127–134.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сб. науч. ст. / Под ред. А. Н. Баранова. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.

Рябцева Н. К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка: языки пространств: Сб. ст. / Под ред. Н. Д. Арутюновой, И. Б. Левонтиной. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 108–116.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура: Сб. ст. / Отв. ред. Т. В. Цивьян. М., 1983. С. 227–284.

Цыденжапов Ш. Р. Бурятско-русский фразеологический словарь. Улан-Удэ, 1992. 142 с.

Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1973. 804 с.

Материал поступил в редколлегию 27.01.2009

Е. А. Bardamova

SPACE CONCEPT SCHEMES OF PRESENTATION OF MEANING IN BURYAT LANGUAGE

The article makes an attempt to describe the peculiarities of lexical formation of space semantics in the Buryat Language. Some space concepts are regarded in oppositions as metaphor, concretization and widening, with ethical, moral, social, evaluative meanings.

Keywords: linguistic image of the world, space nominations, space parameters, local marks, concept metaphor, evaluative words, quantitative components.